

Сергей Волк

ПО СВОИМ ПРАВИЛАМ!

Сергей Волк

По своим правилам!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74631356

ISBN 978-5-908165-84-6

Аннотация

В жизни нет случайностей. Каждый поступок, каждое сказанное слово или замолчанная правда имеют значение. Герои этой книги – подростки, которые учатся быть взрослыми в мире, полном жестокости и несправедливости. Первая любовь, школьные конфликты, потеря друзей, опасная зависимость и бомбежки, рушащие привычную жизнь...

Как сохранить себя, когда вокруг хаос? Эта книга – о выборе, о внутренней силе и о том, что настоящие правила жизни пишутся не в учебниках, а в сердце.

В книге присутствуют эпизоды распития алкоголя, табакокурения.

Содержание

Дневник Васи Холодова	5
Ты всегда со мной	29
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Волк

По своим правилам!

© С. Волк, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

* * *

*Посвящается моей ученице Наташе К.
Пусть эти рассказы напомнят,
что рядом всегда есть кто-то,
кто готов выслушать и поддержать*

Дневник Васи Холодова

*Проклятье тем, кто там, за океаном,
за бомбовозом строит бомбовоз
и ждет невыплаканных детских слез,
и детям мира вновь готовит раны.*
Ольга Берггольц. «Пусть голосуют дети»

2015 год

1 сентября

Сегодня я решил начать вести дневник. Просто так. Потому что мне скучно. Потому что начался еще один учебный год и мне его как-то надо пережить. Потому что о многом я не могу рассказать ни маме, ни друзьям, ни тем более кому-то из одноклассников, родственников или учителей. А рассказать очень хочется. Вот и буду говорить дневнику. Буду в него все-все записывать.

Начну вот с чего. Сегодня я пришел на линейку и увидел Катьку Петрову. Раньше я на нее и не смотрел – отличница, заучка сушеная, все время что-то в учебнике вычитывала или в тетрадку писала. Списывать не давала никому, только подружкам – вредина. А тут на линейке я ее даже и не узнал сразу – высокая, красивая. Я вначале подумал, что к нам в класс новенькая пришла. А потом вдруг понял, что это наша Петрова! У нее даже лицо изменилось. Жи-

вое какое-то сделалось, что ли. А может, она просто больше улыбаться стала. Или прическу поменяла. Или очки какие-то другие надела. Или накрасилась – не знаю. Но у меня прямо башню сорвало. Целый день как дурак. Сам не понимаю, что со мной, но только о Катьке теперь и думаю. Неужели влюбился? Нет, ерунда! Глупости!

Другие девчонки тоже изменились. Машика Ушакова стала выше меня ростом, Ксюха Медведева растолстела, Лизка Рыбина вообще на себя не похожа – кольцо в нос вставила, в ушах тоннели, волосы красные с черным, на руках кольца с черепами, а на ногах ботинки с толстенными подошвами. Наша класснуха Ольга Павловна ее даже после линейки на разговор оставила. Но ни одной девчонке с Катькой все равно не сравниться.

После уроков мы с Антохой взяли ноутбуки и пошли к Димасу в гости. Антон Хвостов и Дима Загидулин – мои одноклассники и лучшие друзья. У Димаса сели играть в FAFY. Классная онлайн-игрушка с открытым миром. Мы в рейд отправились: я – за воителя, Антоха – за мага, Димас – за вора. А я все про Катьку думал, вот и натупил конкретно. Продули... Да наплевать. Все равно в FAFY играть уже надоело. Надеюсь, мама мне даст денег на пятых «Вармонгеров» – вот тогда будет веселье! Правда, это при условии, что я первую четверть окончу хотя бы на четверки. Русич я на пять вытяну, думаю, литру – тоже, а вот матеша – там бы двойку не схлопотать, не то что четверку зарабо-

тать...

Может, сам на игру накоплю как-нибудь – с лета деньги остались еще, в октябре день рождения – хорошо, если родственники наличкой подарят, а не какую-нибудь ерунду.

Английский тоже на четверку вытянуть сложно будет, но матеиша – мой кошмар. Везет Антохе – он ее понимает. Химия и физика – тоже ужас какой-то. Особенно физика. Вечно я путаюсь в этих формулах! Но, надеюсь, удастся на лабораторных вытациить – сяду с кем-нибудь, с тем же Антохой.

Позвать бы Катьку погулять. Только она со мной не пойдет.

2 сентября

Говорят, нас опять бомбить могут. В прошлом году было страшно. Мы даже учиться на месяц позже начали. Помню, один раз ехали с мамой в автобусе. И вдруг впереди загудело, завывало, а потом грохнуло. Словно гром, только сильнее. У меня даже уши заложило. И вспышка была. И затряслось все вокруг. Автобус аж подпрыгнул, как на колдобине. Мы с мамой с сиденья упали. Я тогда, помню, коленку ушиб сильно. Машины тормозить резко начали, наш автобус чуть было в легковушку не врезался. Все на полу лежат, кричат, стонут, ничего разобрать нельзя. Страшно!

Мама меня схватила, вытацила в переднюю дверь, и мы с ней побежали. А машины на шоссе большие никуда не еха-

ли. Я запомнил, что где-то там, впереди, дым был черный. Люди из машин выскакивали, что-то кричали, плакали. Мы с мамой забежали в незнакомый двор, там нас пустили в подвал. Темно – всего одна тусклая лампочка, сыро, народу много. Все на полу сидели, жались друг к другу. Младенец какой-то все время кричал. Мне пить хотелось и есть, но ни воды, ни еды достать было неоткуда. Я замерз, ноги затекли, а тот младенец все надрывался... Словно в кошмарном сне. Долго мы там сидели.

После этого мама меня еще неделю в школу не пускала.

3 сентября

Два дня проучился, а устал как скотина. По физике уже двойку схлопотать успел... Ну и противная же эта Жабба (это мы так учительницу физики зовем) – именно меня спросила! А мне теперь из-за Катюхи ничего из уроков в голову не лезет...

Димас и Антоха купили себе «Антику» третью, теперь со мной в FAFY не играют. Надоело им... А мне мать денег совсем не дает – говорит, что ей зарплату не прибавляют, на жизнь не хватает, не то что на игры. Обидно. Теперь только дня рождения бы дожидаться...

Да и плевать на эти игры. Пойду в библиотеке книжку какую-нибудь возьму. Фэнтези или про инопланетян. Пригласить бы Катюху погулять... Ну или в кино... Только она со мной не пойдет. Да и страшно как-то. Наболтает по-

том девчонкам всякого, а от них весь класс узнает, будут пальцем тыкать и смеяться надо мной.

4 сентября

Учебный год не задался. Все как-то паршиво складывается, хуже некуда. Поиграли с пацанами в футбол на коробке, потом я домой пошел. И тут подвалил ко мне Уткин со своими подпевалами... Гад ползучий! Мешают ему другие, что ли?! Он как будто жить не может без того, чтобы кому-нибудь не напакостить.

Прикопался ко мне, что форма спортивная у меня уродливая, а она нормальная, просто мала уже очень... У матери денег нет на новую... Начал смеяться, его дружки подхватили. Я его послал куда подальше. Слово за слово – он мне въехал в нос. Я ему тоже вмазал, вернее, хотел... Замахнулся, чтобы ему в рожу дать, да только один из его дружков успел меня в живот ударить. А Уткин мне тогда еще в глаз дал, потом они все вместе меня повалили, стали ногами лупить... потом в грязь столкнули.

Что больно – это ерунда. А мать увидела – плакала...

Теперь в школу с синяком идти. Катька на меня такого точно не посмотрит. Или посмеется. Да и права будет. Слабак...

8 сентября

Схлопотал еще одну двойку по физике, тройки по химии

и информатике. Мать запретила садиться за компьютер. Димас и Антоха играют вовсю, а я... Я теперь как будто вообще один во всем этом паршивом мире.

Уткин не лезет больше. Только смотрит иногда злобно, будто убить хочет... Видимо, моя мать к директору ходила жаловаться, а директор этого паршивца отругал как следует. Но это только хуже. Такие, как Уткин, ничего не забывают и не прощают. Я уверен, что при любом удобном случае он мне отомстит за то, что директор на него бочку накатил... Лучше бы я ничего не говорил матери, хотя как тут скроешь, если домой весь в грязи пришел, да еще и с синяками по всей роже!

Катька Петрова на меня так и не смотрит. Это и понятно. Неудачник... Такие девчонки любят крутых парней. Вон Санька Голованов – он уроки вообще не учит, зато в качалку ходит и на бокс. К нему никакой Уткин не сунется, пусть даже и со всеми своими подпезалами. Валерка Петров – он одевается, будто какой-нибудь киношный актер, да и денег у него всегда полно. Толик Блохин – отличник круглый, у него все списывают... А я что? Пошло оно все...

10 сентября

Сегодня много чего произошло – просто так не расскажешь. Самое главное – утром по телеку объявили, что наш город ночью бомбили. Мать всегда телек включает, когда на работу собирается, чтобы новости узнать. Она как услы-

шала – аж чуть не упала. Она вообще эмоциональная очень. Я не особо испугался – все-таки старше стал. Переживем как-нибудь! Пусть эти фашисты проклятые подавятся!

Говорил же, что этот гад Уткин мне отомстит. Так и вышло. На физре. Он и его дружки не переодевались, вроде кто форму забыл, у кого справка, у кого записка от родителей. Расселись на лавочке и стали комментировать – остальной класс без десять кругов сдавал. И на пятом круге Уткин мне по ноге пнул. Я полетел кувырком... Эти придурки из его компании ржать начали, а он еще разорался, вроде это я ему ногу отдал. Гад! Так хочется в розжу ему дать, только он один на один драться не будет, а со всей его компанией справиться нереально.

Получил по литературе пятерку. Но это для меня не радость – у меня по русскому и по литературе всегда четверки и пятерки. А вот с физикой и химией опять не задалось... По химии писали «летучку» (это наша химичка Дуся так маленькие контрольные называет), получил тройку. Жаба же вообще от меня не отстает! Чуть ли не каждый урок: «Холодов! Добро пожаловать к доске! Посмотрим, как ты формулы выучил!» А я их не выучил! Не запоминаю я их – ну хоть убейся! Еще одна двойка...

Антоха и Димас всё новые игрушки обсуждают – им родители чего только не купили! Я им теперь вообще как чужой. Пробую в их разговоры вклиниться – они мне ответят, бросят пару слов и опять про свои игры. Видимо, нет у меня

большие друзей. Плакать хочется...

Мать вечером сказала, что по физике придется нанять мне репетитора. Я пробовал спорить – но куда там! Мать не переубедить... Теперь карманных денег у меня не будет совсем. Бесит все! За что мне все это, а?! Почему именно мне все эти несчастья?! Почему Уткин никого другого не выбрал, чтобы задираТЬ? Почему Антоха и Димас такие дураки – кроме игр им ничего не надо?! Почему я такой невезучий?! Втрескался в эту Катюху... Нет сил... Надоело все...

13 сентября

Все выходные поганая погода. Даже в футбол с пацанами не поиграл – учил уроки. Во время отдыха перепрохожу старые игры. Скучно до одури.

14 сентября

Сегодня день немного получше, чем предыдущие. К доске ни разу не вызвали, контрольных не было. Плохих оценок не получил... Большие писать как-то нечего. Устал просто от всего. Первая четверть вроде всегда самая легкая бывает, но я еще в самом ее начале, а уже все кругом надоело.

На Катюку Петрову стараюсь не смотреть – может, как-то выйдет из головы, что ли... Надо отвлечься на какую-нибудь игру или книгу.

15 сентября

Сегодня очень повезло – с двух уроков (и это были алгебра и химия!) нас забрали! Ура! Посадили в актовом зале, рассказывали про то, что делать, если на школу нападут террористы, если начнется пожар, если будет бомбежка. Я считаю, что все эти меры безопасности – сплошная ерунда. Даже дураку понятно, что сидеть под партами во время обстрела класса бесполезно. Современное огнестрельное оружие даже кирпичные стены насквозь пробивает, не то что старые хлипкие деревянные. А если все, кто учатся на третьем этаже, ломанутся на первый по лестницам, которых в нашей школе всего три (и две из них очень узкие), то будет страшная давка. Только наш обэжешник этого не понимает – либо правда глупый такой, либо прикидывается. Не люблю я эти инструктажи. Зато два урока прогуляли – и то хорошо.

Говорят, будут объявлять учебные тревоги. Будем тренироваться. А что толку? В прошлом году тоже тренировались, и что вышло? Как-то раз, вроде перед Новым Годом это было, мы услышали гудение. Как будто кто-то несколько раз по огромному тазу ложкой ударил. Никто ничего не понял, только сирена вдруг завывала. Учительница географии Мария Александровна (мы ее просто Машкой зовем) побледнела как мел и стала нас из кабинета выводить. Только в коридоре мы столкнулись с толпой старшеклассников, они бежали, кричали вовсю, толкались. Машку от нас оттес-

нили. Меня двое одиннадцатиклассников зажали так, что ребра затрещали. На лестнице еще хуже было.

В итоге отвели нас всех в подвал. Огромный такой – настоящие катакомбы, как в книгах про приключения. Я и не знал даже. Мы с Антохой и Димасом решили в сталкеров поиграть. Включили на телефонах фонарики и пошли ото всех подальше. На стенах трубы всякие, плесенью покрытые, провода. На полу горы старых учебников, лыжи, мячи сдутые, ракетки сломанные, всякий прочий хлам. Антоха дохлую крысу нашел, а я в темноте об ведро споткнулся, грязной воды себе на ноги налил. И тут Димас сказал, что обнаружил настоящий тир. Мы ему не поверили, но пошли посмотреть. Оказалось, и правда тир. Мы даже воздушку старую нашли! Только она сломанная оказалась. Потом нас директор поймал. Отругал. Сказал, что родителей вызовет. Но не вызвал – забыл, наверное.

Через пару часов мы выбрались – со школой ничего не произошло. Говорили, что снаряд в автозаправку на шоссе попал, но мать не пустила пойти посмотреть.

По алгебре и химии сегодня домашки нет! Вечером поиграю во что-нибудь... или книжку почитаю. Нашел очень интересную книжку в библиотеке – «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова. Вот бы мне быть таким же сильным и смелым, как Дар Ветер или Эрг Нор!

17 сентября

Только порадовался – и вот опять. Уткин – урод... Весь урок физики швырялся в меня слюнявыми бумажками, а как только я кинул в ответ (один раз!!!), Жабa сразу меня заметила, отругала, да еще и замечание в дневник написала! А этот гад ржал сидел. Вот его она не ругает! А я – так сразу получаю. И чем я ей не нравлюсь?

Домашки назадавали кучу. Буду сидеть и учить, пока не посинею. Спать хочу дико. Книжку бросил – там про любовь есть. Про счастливую... Может, я злой человек, может, завистливый, но только мне теперь чужая любовь – как нож в печень. Бесит! Ненавижу! Не могу даже на парочки на улице смотреть – злость такая берет! Особенно когда целуются и обнимаются! Так бы взял и кинулся на них с кулаками... Если бы мне эту злобу как-то накопить и сохранить, чтобы потом Уткину ввалить как следует, чтобы знал свое место! Только вот не выходит. Как только вижу этого гада – сразу такое ощущение, что кто-то все силы забрал, слабый становлюсь, как тряпка, как гнилой банан. Ненавижу себя за это! Все кругом НЕ-НА-ВИ-ЖУ!

18 сентября

Антоха пригласил в гости. Хоть поиграю во что-нибудь интересное. Я-то думал, они с Димасом мне не друзья большие... Все-таки как-то полегче мне стало. Только бы мама отпустила. Надо выучить все уроки на всю следующую неделю.

Говорят, сегодня пригород бомбили. Большой пожар в частном секторе. Весь вечер с улицы тянет гарью – может, от этого пожара. Мало мне в жизни проблем, так еще и эти бомбежки! И чего этим фашистам спокойно не живетесь? Хотя глупый вопрос – они же фашисты. Как жаль, что их всех в Великую Отечественную войну не перебили! Или это не те фашисты, а другие какие-то? Какая разница – фашисты и есть фашисты, враги нормальных людей и всего хорошего, доброго и справедливого. Как Уткин. Может, он фашист?

19 сентября

Мать не отпустила меня к Антохе! Сказала, что я должен учить химию и физику вперед! Это какой-то кошмар! Я всяко просил, умолял, спорил, даже ругался... Не вышло. Хочу уйти из дома. Или... Нет, это даже писать страшно. Но все равно. Даже мать меня не понимает! За что мне это?! ЗА ЧТО!!! Ненавижу все!!!

21 сентября

Мать нашла мне репетитора... Жабу!!! Теперь я после уроков по вторникам и пятницам буду сидеть с ней и учить ее паршивую физику! Это худший кошмар...

Хотя нет, не худший. Худший – это Уткин. Совсем обнаглел. Не дает прохода. То толкнет, то пинка даст, то мусором всяким кидается. Сил больше нет.

Чувствую, что скоро дойду до грани. Не знаю, что сделаю, но точно дойду. Большие так невозможно. Еще и мать все время ко мне цепляется: почему из школы поздно пришел, почему на балконе решил сидеть, почему все время меня гулять тянет... Это она все из-за этих обстрелов волнуется – вдруг в меня попадет! А мне уже все равно!

23 сентября

Сегодня Димас принес в школу игровую приставку. Все перемены втроем рубились! Все-таки Димас и Антоха – мои настоящие лучшие верные друзья! Впервые за столько дней чувствовал себя счастливым!

А еще у меня пропал рюкзак. Кто-то (да хотя понятно кто – Уткин, а может, кто-то из его дружков!) стащил его из раздевалки во время урока физкультуры. Уткин в отказ идет, естественно. Вроде он не брал, да и вообще белый и пушистый. А кому еще взять, как не ему?

Я не особо расстроился. Рюкзак старый, рваный. Ничего ценного там не было. Учебники мне, если что, новые выдадут. Тетрадки недорого стоят. Пенал... такой же древний, как и рюкзак. Мать новый пусть купит. Уж лучше, чем Жабке деньги отдавать.

Зато уроки сегодня делать не надо – учебников и тетрадей нет, да еще и не по моей вине!

24 сентября

Рюкзак нашли третьеклассники между гаражами. Что с ним сделали – даже написать противно, не то что сказать. Кто это сделал – не выяснили. Мать решила, что постирает! Позор! Этого они и добиваются – Уткин и его свора... Чтобы потом смеяться, что я с таким рюкзаком хожу. Я не выдержал, устроил матери скандал. Крикнул, что не буду в школу ходить, если мать старый рюкзак не выбросит и не купит мне новый. Подействовало... Только все равно противно. Не люблю ссориться с матерью – она все-таки единственный родной мне человек. Я ее люблю, хоть она и не понимает меня. А тут, получается, с матерью поругался из-за Уткина. Побоялся насмешек... Мерзко...

Хотел пойти и попросить прощения, даже согласиться на старый рюкзак... но вспомнил про то, что мать не пустила к друзьям, а потом Жабу мне в репетиторы наняла... Короче, не пошел просить прощения.

На душе погано.

25 сентября

Во время урока истории слышали, как что-то несколько раз хлопнуло вдалеке... Потом по телеку узнал, что это была бомбежка. Было семь вражеских беспилотников. Пять из них сбили при подлете к городу, два все-таки смогли сбросить бомбы. Правда, не туда, куда, видимо, хотели. А целили в центр города, где администрация. Проклятые фашисты!

Потом по телевизору передавали... ужасное! Бомбы попали на жилые дома. Большие сотни людей погибло. Это... Не знаю... И страшно, и хочется плакать. Потому что... Ведь могут и на наш дом сбросить бомбы, и на торговый центр, где мама работает... Не хочу об этом думать – невыносимо.

Вечером извинился перед мамой. Она сказала, что тоже была права. Что хочет мне только добра. Чтобы я смог в высшее учебное заведение поступить, работу найти хорошую. Сказала, что рюкзак мне все-таки купит, а еще выделит деньги мне на пятых «Вармонгеров»... и будет копить на новую спортивную форму. Я чуть не разревелся.

И как я тогда мог думать о том, что мне жить надоедо?! Смерть – это страшно. Вот был ты, гулял в парке, в школу ходил, в футбик играл... а потом раз – и нет ничего. Темнота.

Весь вечер сидели с мамой на диване, смотрели комедии, пили чай. Было уютно и радостно, словно никаких фашистов, никаких обстрелов и бомбежек... Очень люблю свою маму – она самая лучшая!

26 сентября

Я решил начать новую жизнь!

28 сентября

Обо всем по порядку, хотя мысли в голове путаются, а

руки трясутся.

Я начал с того, что за выходные выучил по физике весь пройденный за начало четверти материал. А еще – повторил все, что в восьмом классе проходили. Почти до двух ночи сидел каждый день, но сам во всем разобрался, все понял. На уроке специально скроил испуганную рожу. Жаба, ничего не подозревая, меня спросила. И тут я ей ответил... Училка аж глаза выпучила – ну реальная жабба стала! Я чуть со смеху не помер! Она даже проверила, нет ли у меня шпаргалок, не висит ли какая-нибудь бумажка с формулами на стене, не сунул ли я наушник в ухо. Потом стала дополнительными вопросами долбить. Половину урока потратила, да не завалила меня! Ну и... пять! **ПО ФИЗИКЕ ПЯТЬ!**

Но дальше – больше! Уткин тоже, видимо, обалдел от того, что я пятерку заработал. Принялся в меня мусором швырять. А я взял и залепил ему в наглую рожу жвачкой! Он меня матом покрыл, а Жаба от этого вообще взбесилась – наорала на обоих, велела остаться после урока (физика у нас последним) и класс драить от плевков, жвачек и всякого мусора.

С Уткиным остались трое его дружков – чтобы, как только Жаба куда-нибудь свалит, меня всем вместе избить. Но Жаба этих троих идиотов просто выгнала! Сказала, что нам с Уткиным помощь в уборке класса не потребуется – умели пакостить, так сумеем и убрать. Уткин, понятное дело, так просто эту жвачку в морду оставлять не поже-

лал – как же, его авторитет какой-то лошок пошатнул! Осмелился в его рожу жвачкой засадить, когда это только он, великий Уткин, может всем кругом гадить и хамить! Он своим друзьям шепнул, чтобы пока ушли, а то бить меня в школе рискованно очень, а подождали меня у ворот и избить на улице – самое то. Еще и мне страшную рожу скроил – типа все, мне хана. Герой!

Стали мы драить кабинет. Уткин за водой вышел – это чтобы полчаса не приходить, пока я всю работу сделаю. Жабке позвонили, и она тоже смылась в неизвестном направлении. И тут мне идея пришла! Я взял свой телефон, включил на нем камеру и поставил в шкаф с книжками на среднюю полку, чтобы весь кабинет незаметно снять.

Подвалил Уткин. Я ему сказал, что предлагаю подраться здесь и сейчас, один на один, как нормальные пацаны. Если же кто из учителей в класс зайдет, то я возьму всю вину на себя – что я драку спровоцировал, а он, Уткин, только защищался. И этот «герой», «крутой парень», «альфа-самец класса» ... со страху перепачкал штаны!!! Сказал, что в школе драться – грозит исключением, потом – что руку вывихнул, когда ведро из раковины доставал, что бой нечестным будет, потом вообще ухватил тряпку и стал парты мыть – вроде нагорит от училки, если быстро не закончим! Добавил, правда, что обязательно потом со мной разберется! Я ему еще пару раз предложил драку – он покраснел весь, а потом заявил, что я идиот и не понимаю, что мы с ним

и так накосячили, а если подеремся и нас увидят – вообще к директору попадем. Что скоро родительское собрание, что ему не хочется от мамки получать – все в этом духе.

Тут Жаба пришла, мы все домыли. Как только стали собираться, этот дебил повеселел резко, толкать меня стал, рожки корчить, знаки показывать всякие. Обрадовался, что скоро со своими дружками меня отлупит. А я сделал вид типа деньги выронил. Уткин сказал, что я трус и что они меня все равно дождутся, пусть я хоть до ночи в школе прятаться буду. И ушел.

Жаба опять куда-то ушла. Я телефон из шкафа вынул и Уткину видюху получившуюся скинул с сообщением: «Либо ты, урод вонючий, сейчас со своими шестерками свалишь в туман и будешь впредь обходить меня за километр, либо я всему классу отправлю это видео, пусть знают, какой ты трус!» И пошел домой.

Естественно, никто меня у ворот уже не ждал. Уткин слился. Думаю, что навсегда.

2 октября

Как я и ожидал, Уткин больше ко мне не подходит. Более того, за все это время даже косо не поглядел ни разу! Трус ужасный! Видимо, эти забияки-драчуны все такие – могут только либо на словах, либо с «группой поддержки» из трех-четырех дружков. Один на один боятся, пачкают штанишки.

Я теперь стараюсь хорошо учиться. Даже по химии и физике, информатике, алгебре и геометрии. Тяжело, но зато результаты видны сразу. Вместо бесконечных двоек и троек теперь четверки. Мама очень рада. Она даже разрешила мне пригласить на субботу Димаса и Антоху, чтобы поиграть в компьютер и поесть пиццу. Димас обещал принести какую-то очень крутую игру. Думаю, будет просто супер!

И еще... Я решил, что приглашу Катюху Петрову в кино. Страшно, но... Не страшнее, чем бросить вызов Уткину, так что я справлюсь. Если откажет – и пусть, и без разницы, даже если растреплет все своим подругам. Посмеются немного и забудут.

5 октября

*КАТЮХА СОГЛАСИЛАСЬ ПОЙТИ СО МНОЙ В КИНО!
Ура!!!*

По химии – четыре, по алгебре – пять, информатика немного просела – тройка, но я обязательно исправлю!

Сегодня нас тренировали эвакуироваться в подвал.

7 октября

Видимо, не зря нас учили быстро эвакуироваться... Сегодня еще до начала уроков слышал треск, грохот, земля тряслась. Говорят, что наши системы ПВО отбили атаку...

Страшно... Звонил маме – у нее все хорошо!

Зачем вообще нужна эта война? Что мы этим гадам сделали? Мы живем, дети в школы ходят, взрослые – работают, никого мы не трогаем. Зачем нас убить хотят? Мы же ни в чем не виноваты! Не могу этого понять. Хотя... Уткин же лез ко мне со своими дружками, а я ему тоже ничего не делал. Зачем? Потому что я слабее. На слабом легко свою злобу выместить, легко, побив слабого, стать героем. Только вот слабых бьют одни выродки и подонки!

9 октября

Мог бы хорошо провести время с друзьями... Но опять бомбили.

Грохало где-то совсем рядом. Испугался за маму, стал звонить – трубку никто не брал... Димас и Антоха тоже родителям позвонили – у них все нормально было, повезло.

Я перепугался за мать... Побегали с пацанами в торговый центр. Посреди нашей улицы была огромная воронка. Рядом, на шоссе – десятка два машин всмятку. Перевернулся автобус... На асфальте кровь. Какая-то эсеница кричала... Нет, она не кричала, а выла. До сих пор в голове этот вой...

У воронки заметил девчонку. Примерно нашего с Антохой и Димасом возраста. Пишу – и руки трясутся... Не могу!!! У нее вся одежда в крови была, а лицо – бледное-бледное и совершенно чистое, ни царапинки на нем. И глаза – го-

лубые... В небо смотрят, удивленно так... Ее черным брезентом накрыли.

В домах были побиты окна. Все время кто-то плакал, кто-то кого-то звал...

Мы побежали дальше – на улице, где был ТЦ, оказалось спокойно. Забежали внутрь – а матери в ее отделе не оказалось... Другая продавщица сказала, что мама, как только бомбить стали, выскочила на улицу и побежала куда-то (домой, наверное), а телефон на столе забыла.

Побежали опять ко мне домой. Дома – никого... Звонил, звонил, думал, умру от ожидания... Пацаны меня успокоить пытались, да какой там! Я чуть не ревел!

И тут звонок – мама жива и здорова оказалась, она в ТЦ вернулась и телефон взяла.

Это все – ужасно... Такого не должно быть. Никогда.

Они воюют с мирными жителями! С детьми, с женщинами, со стариками! Они убивают людей в их же домах! Они... нет слов... Наверное, не смогу уснуть всю ночь – перед глазами та мертвая девочка, в ушах – вой той женщины. Как же это ужасно!

10 октября

Катюха не пошла в кино. Во время бомбежки ранило ее бабушку, уже не до веселья. Я не особо уже расстроился – мне как-то тоже не до свиданий... Весь день сижу над уроками и иногда играю. Вздрагиваю от каждого шороха...

Даже дома вместе с матерью – все равно страшно.

12 октября

Не знаю, как это записать... Но почему-то думаю, что должен.

Во время химии в школе объявили тревогу. Все, как и тренировались, спокойно, но быстро пошли в подвал. Не дошли...

Помню только гудение где-то в небе, грохот... Меня подняло что-то и швырнуло в окно. Когда очнулся – в голове звон был. Перед глазами все плыло. Кругом туман или дым, а может, это тоже в глазах... От левого крыла школы остались только обломки. Из парадного входа медики выносили черные мешки. Рядом со мной никого не было. Только берега была... Листья на ней – уже золотые монетки. Я сидел и зачем-то смотрел, как они колышутся на фоне голубого неба. Тепло было. Сил встать не было... Пиджак оказался изодран, рукав рубашки в крови. Кровь из носа капала на асфальт. А я смотрел на осенние листья и представлял себе, что ничего ужасного в мире нет. Что я сижу и отдыхаю после уроков теплым весенним днем. Что скоро за мной придет мама, мы пойдем с ней домой пить чай.

Потом ко мне кто-то подошел, меня куда-то повели... Ничего не помню...

Сейчас уже ночь... Я, видимо, спал долго, а теперь проснулся. Мама рядом. Только что из новостей в интерне-

те узнал, что больше нет Жабы... Вернее, Анны Петровны Спицыной. Она закрыла собой младшекласников... А мы все: «Жаба»! Никакая она не Жаба!

Еще нет больше Антохи... Не могу это писать! Как это нет Антохи?! Как?! Вчера только вместе в онлайн-игры играли, смеялись. А сегодня я его вживую видел. Все перемены вместе с ним и Димасом проводили... И нет его! Мы с ним с детского сада вместе! Вместе в первый класс пошли. Вместе с Димой дружить начали. И вдруг... нет его. И больше я его никогда-никогда не увижу. Больше не поздороваюсь с ним за руку. Больше не пойду с ним по улице. Не будем мы с ним больше никогда уроки вместе учить. Не будем играть... Его нет, и все. Страшное слово это «нет». И непонятное. Как это был... и нет? Не понимаю.

И нет еще двадцати восьми школьников и трех учителей... Я их всех не особо знал, просто видел на переменах... но от этого не лучше.

Мне очень плохо. Кто-нибудь, спасите меня! Я не знаю, как буду со всем этим жить. Мне хочется... залезть под диван, в самый дальний угол, будто я таракан... Залезть и не вылезать. Спать там целыми днями и ничего кругом себя не видеть. Не верю я, что Антохи нет больше. Это все выдумки и вранье! Не может такого быть!

17 октября... вроде бы

Мама говорит, что мне уже лучше. Мысли путаются.

Кажется, было еще несколько обстрелов. Я у себя в квартире. Мама ушла за лекарствами. Голова болит. Боюсь, что это опять начнется. Страшно.

23 октября

Мне уже лучше, могу записать, что со мной было... А было...

(на этом записи обрываются)

В ноябре 2015 года Васе Холодову и его маме удалось перебраться в Россию. Там они поселились в небольшом уютном городе N. С этого времени жизнь Васи наладилась. Он вновь пошел в школу, нашел там новых друзей. Но никогда-никогда он не забывал ни Антона, ни Анну Петровну Спицыну, ни других убитых детей и взрослых.

Ты всегда со мной

Посвящается моему деду

Николаю Федоровичу,

участнику Великой Отечественной войны

Федька Зайцев никогда не видел своего дедушку. Чунин Петр Иванович, 1920 года рождения, ушел на фронт добровольцем в первый же день войны. Ушел, оставив молодую жену и годовалую дочь. Ушел, чтобы защитить их. Чтобы отдать свою жизнь за их жизни. За жизни миллионов таких же женщин и детей, которым проклятый фашизм готовил страшную смерть в концентрационных лагерях, в газовых камерах, смерть от пыток, от бесчеловечных, кошмарных опытов, от голода и холода. Всего десять писем пришло с фронта Федькиной бабушке Алевтине Степановне Чуниной... Десять писем и одна похоронка.

Алевтина Степановна погибла в феврале 1943 года – шла по дороге в госпиталь, в котором работала медсестрой, внезапно начался авианалет, до бомбоубежища пробежать не успела... Федькину маму – тогда еще трехлетнюю несмышленную Катю – забрали к себе родственники. Несчастную девочку ждало еще много бед – голод, детприемник, постоянные бомбежки, когда казалось, что небо с воем падает на землю, ранение, госпиталь. А кругом все рушилось, горело,

разлеталось на мелкие куски, промерзло насквозь, стонало и рыдало... Кругом все гибли – все-все... Тетя Дуся, ее пятилетний сын Вовик, дед Ферапонт, баба Клава, молчаливая девочка Леля, воспитательница Степанида, дворник Герасим, глухонемой Аркаша, медсестра Женя. Ночами они все приходили к Кате и горько плакали, сетуя на свою горькую, несправедливую судьбу... Катя хоть и была маленькой, но отчетливо запомнила каждую из страшных трагедий, отнимавших у нее близких людей одного за одним.

Война отняла у Кати все: мать и отца, всех родных, друзей, дом, ногу... Не смогла отнять только память об отце – те самые десять писем с фронта, похоронку и старые наручные часы – жалкое имущество несчастной веснушчатой девчонки, оказавшейся один на один с бескрайним, лежавшим в руинах миром. Война закончилась, но ее страшная тень все еще незримо скользила за Катей, не желая отпускать свою жертву. Тень войны не исчезла даже после того, как Катя окончила школу-интернат, поступила учиться на хирурга, вышла замуж, родила сына Федьку: ночами Катя кричала от ужаса, просыпалась в липком холодном поту и долго, безудержно плакала. Бедную девушку преследовали кошмары, столь же неотступные, как и страх грозы: как только начинал рокотать гром, Катя падала, накрывала голову руками и дрожала – ей казалось, что вновь летят фашистские самолеты.

Панически боялась войны Катя не зря: скрюченная лапа все-таки дотянулась до нее – дотянулась, когда Катя уже не

ждала – через двенадцать лет после Великой Победы. Катин муж – третьекурсник исторического факультета Игорь Зайцев – отправился искать могилу отца, погибшего где-то в Польше... и подорвался на mine, давно ушедшей в землю, поросшей травой, проржавевшей, но все еще таившей в себе крупицу смерти.

Вот так Катя осталась из-за войны инвалидом, сиротой и вдовой. Единственной радостью в жизни у нее был сын Федька... Мальчишка рос хилым и слабым, залюбленным маменькиным сынком. В школе его постоянно шпыняли, часто доводили до слез. Драться Федька не умел, отшучиваться – тем более. Из-за фамилии, а пуще – из-за маленькой, вечно трясущейся где-то в пятках душонки его прозвали зайцем. Дразнили, не давая прохода: дергали за рыжие вихры, смеялись над конопушками, над длинными тонкими руками-макаронинами, над узкими, ссутуленными плечами, над общим неказистым видом. Как-то раз Федька не выдержал и, сбежав из школы прямо на перемене, бросился домой к матери, которая отдыхала после ночной смены в больнице:

– Мама! Мама! Ну почему я такой?! За что я такой?!

Мальчишка давился слезами, тер кулаками опухшие глаза.

Екатерина Петровна обняла сына, а затем подошла к комоду и из-под груды всевозможных вещей извлекла потрепанную шкатулку. В ней лежало несколько пожелтевших, истершихся листов бумаги, а под ними – старые наручные ча-

сы.

– Возьми их и всегда носи с собой в кармане! – сквозь проступившие слезы сказала мать сыну.

– Зачем мне они? – удивился мальчишка. – Они даже не ходят!

– Это твоего дедушки. Он был очень смелым и сильным. Возьми! Твой дедушка всегда будет с тобой, он тебе поможет!

– Дедушка? – еще больше изумился Федька. – Так он же умер давно.

– Он жив в тебе! И будет жить всегда, покуда ты будешь о нем помнить!

– Это как?

– Узнаешь. Хочешь, прочитаем его письма? Смотри, вот он пишет бабушке: «Дорогая Аля! Со мной все хорошо – жив-здоров! Бьем проклятых немцев, даем им прикурить! Не отдаем им ни пяди родной земли без боя! Не сдадимся никогда! Прогоним врагов прочь с нашей земли!»

Федька, слушая эти слова, представил дедушку богатырем, сошедшим с истрепанной иллюстрации к сборнику былин. Вот он – в стальном шлеме, в кольчуге, с палицей, длинная седая борода развевается по ветру! Любой враг перед ним – букашка! «Где махнет – там станет улица, отмахнется – переулочек!» Был бы жив дедушка, никакие хулиганы к нему, Федьке, лезть бы не посмели! Но дедушки нет...

Федька с грустью взял дедушкины часы и положил в кар-

ман. В школе, естественно, ничего не поменялось: все те же насмешки, тычки, пинки – чудес не бывает.

Был в Федькином классе еще один «чудик», над которым тоже все смеялись – Славка Кукин. Он вечно что-нибудь изобретал. То самолетики из старых газет складывал на уроках, то пытался танк из металлолома собрать, то водолазный шлем из старого ведра и рваного шланга... На уме у Славки были одни чертежи, схемы и модели. Он вечно ходил перепачканным, в клею и в краске, с грязными пятнами от ржавчины на одежде, с занозами в ладонях. Как-то незаметно Славка с Федькой подружились – вместе было не так грустно под градом насмешек.

Весной Славка где-то раздобыл деревянную дверь. Она вся прогнила, растрескалась, рассохлась – но Славке взбрело в голову ее починить и спустить на воду в качестве плоты. Федька совсем не горел желанием отправиться в путешествие по разлившейся Ветлуге, как плотогоны в старину, но делать было нечего – другу надо было помочь. До самого лета мальчишки собирали всевозможные доски, гвозди, обрывки веревок – и строили свой «корабль» на берегу укромного заливайчика, скрытого от посторонних взглядов густым ивняком.

– Мам! Я на рыбалку со Славкой! Можно?

– Только смотрите там не утоните! – пробормотала сонная мать. Она только недавно вернулась с ночной смены, после нескольких тяжелых операций, и сразу же забылась свинцо-

вым сном усталости.

В этот день корабль-плот с гордым названием «Варяг» должен был отправиться в свое первое плавание. Мальчишки еле-еле столкнули его на воду, подняли парус из рваной простыни, взялись за весла — поломанные деревянные лопасти. Модернизированная дверь бодро выплыла на середину Ветлуги, а там ее подхватило течение, закрутило, завертело... «Парус» бессильно трепыхался на слабом ветру. Весла не помогали. Мимо понеслись перелески, поля, незнакомые деревни... Мальчишки орали до хрипоты, махали руками — но никто их не слышал.

Вскоре несчастная дверь попала в стремнину, разогналась еще сильнее и на полном ходу вылетела на мель, усыпанную гнилыми корягами и палками. Мальчишки возблагодарили судьбу и начали спешно выбираться на крутой берег, поросший осокой и плетями ежевики. Сверху к детям клонили свои ветви старые ели. Солнце скрылось за тучей, налетел холодный ветер. По воде побежали крупные волны, задвигались на мелководе жуткие бесформенные тени. Тревожно, с надрывом, закричала в лесу какая-то птица.

Далекий противоположный берег тонул в солнечных лучах, там и в помине не было мрачного леса: уютный песчаный пляжик, дальше — возделанные поля, а за ними, у самого горизонта, крупное село. Но добраться дотуда было невозможно...

Федька, цепляясь за ежевичник, взобрался первым и

обернулся, чтобы подать руку Славке. В эту же секунду раздался крик: часть берега осыпалась, и Кукин, не удержавшись на ногах, рухнул в груды коряг и тины. Зайцев видел, как падал друг: почему-то как в кино – медленно, расставив руки, скорчив жуткую гримасу. Треск, всплеск прибрежной воды и снова крик – крик, ни на что не похожий, жуткий, сорвавшийся в визг.

Федька долго стоял, ничего не понимая, бестолково таращась на груды коряг и неподвижно лежавшего Кукина. Затем очнулся и, сам чуть не свалившись, полез вниз. Славка лежал на боку и тихо, сквозь зубы, стонал.

– Что?! – с ужасом, не своим голосом спросил Федька.

– Ру... руку... сло... мал!

Зайцев от испуга даже отскочил в сторону.

Кукин кое-как поднялся на ноги. Правая рука у него, и правда, висела безжизненной плетью.

– Надо взобраться наверх, там, может, до какой-нибудь деревни дойдем! – заплетающимся языком промямлил Федька.

– Я не влезу... – выдохнул Кукин.

– Как не влезешь?! – У Федьки затряслись коленки.

– Там руками цепляться надо, я не влезу! А если полезу, опять упаду! – Славка сел на обомшелое бревно и зарыдал.

– Я тебе помогу! – стал умолять Зайцев.

– Нет, не полезу, не полезу, не полезу! Больно! Больно!

От этого крика Федька заломил руки и вонзил зубы себе

в губу.

Через несколько минут бледный, словно полотно, Кукин бесцветным тоном пробормотал:

– Иди без меня. Найдешь деревню – позовешь помощь.

– Без тебя?! – завсхлипывал Федька.

– Да. Я не полезу.

– А если тут на тебя медведь нападет? А если волки?! – Зайцев мелко дрожал, ему казалось, что все кругом – страшный сон.

– Иди скорее! – крикнул Славка. – Иди!

Федька понял, что Славка боится передумать, и рванул вверх что есть сил. Взобравшись на крутой берег, он изо всех сил крикнул:

– Я позову помощь, Слава! Позову! Ты только держись! Я скоро! Скоро!

Слава Кукин ничего не ответил – он боялся разрыдаться.

Федька опрометью бросился в еловую чащу. Сухие ветки трескали под ногами, еловые лапы хлестали по голым рукам и лицу. Старые ели гудели под ветром, их скрип был похож то ли на смех, то ли на всхлипывания. Из-под ног у Федьки с кулдыканьем вылетела тетерка. Мальчишка шархнул в сторону, налетел спиной на острый сук и зашипел от боли... Кругом – жуткие мрачные дебри. Где ближайшая деревня, есть ли она вообще?! Зайцеву стало так страшно, что закружилась голова. Мальчишка остановился, рассеянно оглядел окружающий лес, себя... Увидел, что правая штанина разо-

рвана у кармана. Машинально сунул руку в карман... часы. Дедушкины часы... Какой от них сейчас толк?!

От испуга и отчаяния Зайцев сел на землю, стал загребать руками сухие еловые иглы. Они были жесткими и впились в кожу, но мальчик этого не чувствовал. Кругом торчали скрюченные елки, валялся бурелом, мертвая тишина давила на уши. Неожиданно Федька ощутил на себе чей-то взгляд. Оглянулся... В паре метров от него стоял молодой мужчина. Высокий, худощавый. Одетый почему-то по-военному: сапоги, штаны-галифе, гимнастерка. На плече – вещевой мешок. В черных коротко стриженных волосах посверкивала серебристая седина.

– Ты заблудился? – Голос был хриплый, но в нем чувствовалась доброта.

– Да! Дяденька! Мы на старой двери плыли, хотели путешествовать, потом нас выбросило на мель, мы полезли на крутой берег, Славка сорвался и сломал руку, а мне надо найти людей! Помогите! – Федька выпалил это все без остановок, задыхаясь, проглатывая слова и давясь ими.

– Мне тоже наших скорее найти надо! – тяжело вздохнул незнакомец. – Моего друга ранили, мне надо привести помощь, иначе...

– Тогда пойдемте вместе? – с надеждой предложил Федька.

– Пойдем, – согласился военный.

И они вдвоем зашагали по еловым дебрям: исцарапанный,

грязный мальчишка в рваных штанах и высокий мужчина в военной форме, сильно хромавший на левую ногу...

Вначале мальчик и солдат шли молча. Федька украдкой все приглядывался к своему странному спутнику: тот выглядел так, будто только что тоже катался на двери, как на плоту, лазал по прибрежным кустам, взбирался на крутой берег... или занимался чем-то подобным. Сапоги мужчины были заляпаны грязью, гимнастерка в нескольких местах разодрана в клочья, вещевой мешок, казалось, вот-вот рассыплется на нитки. На галифе своего спутника Зайцев заметил кровь...

– Дяденька, вы ранены? – робко спросил Федька.

– Да, задела меня немного... – виновато ответил военный. – Но это пустяки. Вот товарищу моему сильно досталось. Как бы кровью не истек...

– А что случилось? – Федьке было очень любопытно узнать.

– В разведку мы с товарищем ходили. Перебрались через реку, да фашисты нас заметили. Начали стрелять. Мы в кусты... Да только смотрю – товарищ мой бежит, будто пьяный – шатает его, спотыкается постоянно. Смотрю – а у него весь бок в крови. Хотел я его на себе тащить, да только у самого нога, чувствую, не идет... Тогда мне товарищ и говорит, мол, беги за помощью, а то оба зазря пропадем. Да и разведданные тоже командованию передать надо...

– А я думал, – пробормотал Федька, – что мы фашистов давно победили...

– Ну? – в свою очередь удивился солдат.

– Да, в 1945 году! – уверенно ответил мальчишка.

– Так сейчас же 1941-й! – Мужчина остановился.

– Нет, сейчас 1964 год.

– Ерунда какая-то...

Тут у Федьки в голове вдруг вспыхнула шальная мысль:

– Дяденька, а вас как зовут?

– Петр я... Чунин.

– А я Федя! Ваш внук!

– Внук? – Петр Иванович потер глаза и виски.

– Да! Вот! Часы ведь ваши?! – Федька вынул из кармана часы.

– Да, мои! Правда, мои! Откуда они у тебя?! Как так получается...

Еще долго дед и внук стояли посреди елового леса и пытались понять, как же так вышло, что они встретились.

– Может, часы волшебные? – в отчаянии придумать что-либо другое, решил Федька.

– Да нет, обычные! – возразил Петр Иванович. – Смотри ж ты – уже почти два часа! А мы ведь в разведку рано утром пошли, часа в четыре.

– Да они не ходят уже давно! – махнул рукой мальчик.

– Как не ходят? Вот, ходят!

Федька схватил часы и... они, правда, шли. Значит, они, и правда, были волшебными! А времени действительно прошло уже немало...

– Там Славка лежит! Надо скорее!

– Пойдем тогда! – согласился солдат.

Через некоторое время еловый лес начал редеть. Стали попадаться березки и осинки. Потом ели и вовсе кончились, а впереди показались могучие корявые дубы с черными стволами. В дубовом лесу было даже мрачнее и страшнее, чем в ельнике. Но Федька и думать забыл о страхе, ведь рядом с ним шагал, хоть и хромя, его дед! Настоящий, живой дед!

Вскоре двое путников наткнулись на проходившую через лес проселочную дорогу. Судя по высокой траве и цветам, выросшим в колеях, по дороге уже давно никто не ездил. И все-таки это была дорога, она могла вывести к людям!

– Слушай, Федь! – спросил Петр Иванович. – А ты когда помощь к своему Славке поведешь, ты как узнаешь, где ты из лесу вышел? Надо как-нибудь отметить дорогу!

– Да! – Мальчишка хлопнул себя по лбу. – А я и не додумался! Надо на ветку привязать что-нибудь. Дед, у тебя есть что-нибудь?

Солдат порывлся в вещевом мешке, но там ничего полезного не оказалось. Тогда Федька безжалостно дернул себя за рваную штанину и оторвал от нее широкую полосу. Затем быстро привязал ее к ветке дуба.

– Пошли? – спросил Петр Иванович.

– Пошли, дедушка! Надо же, у меня дедушка есть! А я ведь тебя совсем не так представлял!

– А как? – поинтересовался военный.

– Большим таким, широкоплечим, с длинной бородой!

– Да ведь мне всего-то двадцать один год, какая же борода! – засмеялся солдат.

И правда, на дедушку Федькиного он вовсе не тянул. И даже на папу. Скорее на старшего брата. Только седина в волосах совсем не вязалась с юношеским безусым лицом...

Дорога вывела путников в поле. Тут, словно в насмешку, тучи рассеялись и ослепительно засияло солнце. Жара с каждой минутой становилась все сильнее. Федька все больше хотел пить. Мальчишка стянул с себя рубашку, навязал ее себе на голову. Правда, это почти не помогло...

Ноги мальчика постепенно наливались тяжестью, все тело начинало болеть, тянуло в сон. Пить хотелось нестерпимо, но кругом не было ни ручейка, ни даже лужицы – бескрайнее поле, поросшее высокой, уже начавшей желтеть травой да кустами шиповника.

– Деда, есть что попить? – взмолился наконец Федька.

– Нету... – вздохнул солдат.

– Не могу больше... – Федька сел прямо в траву.

– А друг твой как же? – спросил Петр Иванович.

– Да, Славка... Надо идти... – Мальчик поднялся и поплелся вперед.

– Я тоже пить хочу! – признался солдат.

– У меня ноги болят, спина... – пожаловался мальчик.

– У меня тоже, рана еще эта проклятая все кровит...

– И как же ты терпишь, дед?

– Так надо ведь идти. У тебя друг, у меня. Разве мы можем друзей своих бросать? Не можем. Мы же не фашисты! Мы русские!

– Да...

Федька упорно шел, но каждый шаг давался все тяжелее и тяжелее.

– В самом начале войны я так же мучался... – сказал Петр Иванович. – Мы тогда всё отступали и отступали. А жара была... Прямо как сейчас. У меня была фляжка с водой, да я ее отдал двум ребятам раненым. Пить хотел страшно. Шел и шел, шел и шел. Перед глазами красные пятна скакали, голова кружилась. А шел...

– А зачем флягу отдал? – сипло пробормотал сквозь спекшиеся губы мальчик.

– Так они раненые, им нужнее. Они бы без воды не дошли. А я что – я тогда целый был, невредимый. Что, не дошел бы?

– Дошел?

– Дошел! – Военный улыбнулся.

Федька чувствовал, что скоро упадет. Но как только начал заваливаться в траву, тут же собирал в кулак всю свою волю. Мальчишке было стыдно перед дедом, перед самим собой и перед Славкой. Федька шагал и думал: «Дед же дошел тогда, а ведь фляжку с водой раненым отдал, а я что, не дойду?! Вон дед мой рядом шагает, а у него нога прострелена. А он идет и идет. А я здоровый, целый, невредимый. Что я, не дойду?! Не спасу Славку?!»

Сквозь шум в ушах Федька вдруг услышал серебряный звон, словно кто-то играл на маленьких колокольчиках.

– Гляди-ка, там ручей! – радостно сказал Петр Иванович.

Федька, не помня усталости, бросился к воде, утопая в траве, царапаясь о колючки шиповника. Мальчик пил жадно, потом долго умывался, мочил разгоряченную голову.

– Смотри, ручеек не просто так, а облагорожен! Значит, рядом человеческое жильё! – наставительно сказал солдат.

Тонкая струйка воды, бившая из небольшого холмика, действительно была заботливо обложена черепицей так, что, прежде чем уйти обратно в землю, какое-то время текла по желобку.

Отдохнув, Федька и дед пошли дальше. И вот впереди показались огороженные заборами деревенские дома. Мальчишка, обрадовавшись, бросился к ним, но тут раздался злобный лай, и целая свора нечесаных, грязных псов ринулась на незваных гостей. Федька в страхе отпрянул, но дед его не растерялся – выломал из ближайшего забора доску и принялся отмахиваться от дворняг. Те бросались с дикой, остервенелой яростью. Один из псов, изловчившись, вцепился Петру Ивановичу в раненую ногу. Военный закричал от боли...

Федьке было до тошноты страшно, но, когда он увидел, что его деда сейчас разорвут на куски, от страха не осталось и следа. Мальчишка бросился вперед, подхватил выпавшую из ослабевших рук деда доску и с отчаянной яростью обру-

шился на свору псов:

– А ну прочь, фашисты проклятые! Прочь! Не смей моего деда трогать! Да я вас!

На шум сбежалось несколько мужчин и женщин. Свора была разогнана.

– Ты чей будешь, малец? – спросил у Федьки длиннобродый старичок с клюкой.

– Мы с другом Славкой на корабле, то есть на двери, плыли, потом нас течение подхватило, выбросило на мель. Мы стали взбираться на крутой берег, а Славка упал и руку сломал. Тогда я пошел помощь искать. В лесу деда своего встретил, и вот мы пришли – вон через то поле...

– Деда? – переспросил старик. – А где дед-то твой?

Федька оглянулся в поисках деда... и правда никого рядом не увидел.

– Друг твой руку сломал? А где он? – вмешался высокий детина.

Федька стал объяснять.

– Сейчас трактор заведу, и поедem! – не дослушав, крикнул здоровяк.

Вскоре трактор с прицепом, до отказа набитый деревенским людом, уже ехал через поле на помощь Славке.

Славка был жив, но сильно замерз и находился в полуобморочном состоянии. Обоих мальчишек положили в прицеп на сено, где их быстро сморило сном. Перед тем, как погрузиться в мир грез, Федька услышал слова здоровяка-тракто-

риста:

– А парень-то не робкого десятка! Слышь, ведь через лес прошел, дорогу найти сумел. Потом еще такое поле огромное отмахал!

– Да! – согласился старичок. – А собак-то как он шуровал! Фашисты, мол, убирайтесь! Смелый парнище!

Дома Федьку и Славку ждали слезы матерей и страшный нагоняй. Славка сломал плечо, ему наложили огромный гипс, которым он невероятно гордился. Среди дворовых мальчишек Славка с Федькой быстро стали настоящими героями. Теперь над ними никто и не думал насмехаться – как же можно издеваться над отважными исследователями, построившими корабль-плот и отправившимися в такие невероятные приключения?! Все мальчишки втайне надеялись, что храбрые путешественники отдохнут с недельку, а потом выстроят новый плот и их возьмут с собой.

Федька поначалу был расстроен тем, что дед его куда-то исчез. Но потом вспомнил про часы и понял, что они действительно были волшебные, ведь они шли! Шли без завода! И дед, видимо, был в этих часах. А может, и в самом Федьке. По крайней мере, теперь мальчик постоянно чувствовал его незримое присутствие.

Что пережил Петр Иванович на войне, Федька точно не знал. Но представить это ему живо помогали книги Бориса Васильева, Юрия Бондарева, Василя Быкова, Виктора Астафьева и других авторов... Этими книжками мальчишка за-

читывался все лето, и часто мать находила сына в слезах.

После случая с плотом Федька стал самостоятельнее. Смелее и находчивее. Стал больше времени проводить с ребятами во дворе. Окреп, подрос. И во всех тяжелых ситуациях вспоминал деда. Дед ведь никогда не сдавался, до последнего бился с врагом! И благодаря ему, Петру Ивановичу Чунину, была одержана Великая Победа! А ведь тогда не было воды и еды, было жарко, кругом летали пули и рвались снаряды. А теперь такого нет, так разве можно какие-то нынешние трудности назвать трудностями?! Федька говорил себе: «Раз мой дед смог, значит, и я смогу!» И делал. Справлялся. Всю жизнь справлялся. В любых ситуациях. Потому что дед его был в нем, в его сердце. Поддерживал, наставлял, подсказывал, советовал. Федька знал, что он не один – что дед всегда с ним. И эта уверенность удесятерила его силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.